И. В. Реброва

ОППОЗИЦИЯ *СВОЙ/ЧУЖОЙ* В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А. И. ГЕРЦЕНА)

IRINA V. REBROVA

ILLUSTRATION OF THE OPPOSITION OF "NATIVE" AND "ALEIN" IN THE LITERARY-CRITICAL DISCOURSE OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION USING THE EXAMPLE OF THE LITERARY LEGACY OF ALEXANDER HERZEN

Пятая глава литературных мемуаров «Былое и думы» А. И. Герцена и её интерпретация на страницах периодических изданий русской эмиграции 20-х годов XX столетия рассматривается одновременно в двух плоскостях: а) на первичном текстовом уровне и б) на содержательном уровне, в пространстве литературно-критического дискурса; обнаруживается, что А. И. Герцен является не только знаковой фигурой эпохи, но и связующим звеном в системе и структуре дискурса / речевого жанра / стиля / идиостиля. Выявляются оценки, хранящиеся в коллективной памяти социальной группы «русская эмиграция первой волны», а также важные единицы когнитивного сознания, которые не совпадают внутри одного этноса и проявляются в границах оппозиции *свой/чужой*.

Ключевые слова: литературный жанр, речевой жанр, тип текста, функционально-семантический тип речи *описание*, литературно-критический дискурс, оппозиция *свой/чужой*.

This article examines both the fifth chapter of Alexander Herzen's literary memoirs "My Past and Thoughts" and reviews of the work in Russian émigré periodicals of the 1920s from two angles a) the primary level of the text and b) the content level of the text, that is, the literary-critical discourse. This article argues that Herzen is not only an important figure of that epoch, but also an important link in both the system and structure of discourse / linguistic genre / style /authorial style. This article identifies those values that shaped the collective memory of the "first wave of Russian emigration" as a social group. Furthermore, at the boundaries of the opposition between "our" and "other," it identifies important and opposing forces in the make-up of the cognitive consciousness of one ethnos.

Keywords: literary genre, linguistic genre, types of texts, functional-semantic type of speech description, literary-critical discourse, opposition "native" and "alein".

Ирина Витальевна Реброва

Кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель Зальцбургского государственного университета; докторант Санкт-Петербургского государственного университета
► jrrem@mail.ru

Александр Иванович Герцен (1812–1870) был той уникальной фигурой для русской ментальности, той исторической личностью, чьи произведения и философские взгляды привлекали внимание интеллигенции на протяжении второй половины XIX века и всего XX столетия. Как глубоко показала И. А. Паперно, литературные мемуары А. И. Герцена «Былое и думы» становятся важным знаковым компонентом в сознании русской интеллигенции с 1850 по 1990 год, так как «власть этой книги проистекает ... и из чувства читательской сопричастности жизненному опыту Герцена» [5: 41]. Кроме того, уже в среде советской интеллигенции имя Герцена и его «Былое и думы» явились толчком к созданию собственных мемуаров, а также использовались «в качестве сигнала авторской позиции, по которому узнают „своих“» [6: 102].

Противоположная оценка произведений А. И. Герцена и его личности проявляется уже в дореволюционное время в публицистике и литературной критике и формирует оппозицию *свой/чужой*. В 1912 году, к столетию со дня рождения писателя, В. И. Ленин написал статью «Памяти Герцена», в которой остановился на противоречиях,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00439 «Типология текста: от составляющих к динамике их взаимодействия»)

на многоаспектности идеологических позиций А. И. Герцена. Ленинская статья, к моменту её выхода в свет, продемонстрировала разброс мнений и оценок, разных трактовок, касающихся личности писателя, как в среде социал-демократов, так и представителей либеральных взглядов.

О вновь вспыхнувшем интересе к творчеству Герцена свидетельствуют юбилейные публикации к памятным датам: 110-летию со дня рождения писателя и 50-летию со дня его смерти. Эти публикации представлены такими жанрами, как рецензия, литературный портрет, критическая статья (что можно встретить и в советских изданиях), и обнародованы как в литературных, так и в обычных периодических изданиях.

В литературно-политическом и научном эмигрантском журнале «Грядущая Россия» Ф. И. Родичев, отдавая дань традиции, пишет статью «К 50-летию смерти Герцена» [8], которая по своей сути представляет литературный портрет писателя. В этой статье автор высоко оценивает талант Герцена, выражает надежду на публикацию в ближайшее время последней, пятой, главы «Былого и дум». Родичев смог реализовать эту идею в 1921 году, когда он издал в Берлине, в эмигрантском издательстве «Слово», полное собрание сочинений Герцена с пятой главой «Былого и дум», вошедшей в историю как «семейная», «интимная», «личная драма» Герцена. Публикация этой главы в эмиграции стало «отчётом своим и себе» [Там же: 238]. Отчёт «своим» в советской России был сделан М. К. Лемке уже в 1919 году, когда он выпустил в свет полное собрание сочинений Герцена с той же знаменитой пятой главой. Традиционно эмиграция обращалась к изданию Ф. И. Родичева, а исследователи в советской России — М. К. Лемке (см. подробнее: [5: 49]).

Новое издание собрания сочинений Герцена и никогда не публиковавшаяся при жизни автора глава его литературных мемуаров не прошли незамеченными. Парадоксальным является тот факт, что впервые опубликованная глава носит сугубо личный характер, поэтому её появление, казалось, не должно было бы вызвать полемики между представителями разных философско-идеологических направлений. Напомним, что речь в этой главе идёт о драме Герцена, причиной которой стала любовная связь его жены, Натальи Александровны Герцен, и немецкого поэта Георга Гервега. Ситуация осложнялась тем, что и Георг Гервег, и его жена Эмма, и их дети были близкими людьми для семьи Герцен. Отношения двух семей, по мысли Герцена, должны были стать основой создания коммуны, которая, после поражения революции 1848 года, могла бы послужить доказательством существования личной и социальной гармонии. Неверность жены на фоне крушения революционных идеалов становится не только личной драмой, но и крахом многих представлений, социальных концепций и мировоззренческих идей Герцена, а также вообще разрушением веры в социальные возможности человека (см. подробнее: [5]).

Таким образом, именно личные события биографии Герцена явились тем фокусом, через который стали рассматривать личность писателя и его мировоззренческие взгляды. Следовательно, личная драма состояла не только в том, что у жены появился возлюбленный, но и в том, что она продемонстрировала по-своему нереальность идеальных отношений между людьми, к созданию которых стремилась революционно-философская направленность воззрений Герцена. Личные главы из «Былого и дум» прочно соединились с глобальными проблемами в широком плане, в смысле идеального человеческого сосуществования, поэтому они оказались в центре внимания печатных изданий как эмиграции, так и советской России.

Цель статьи — установить те смыслы в пространстве литературно-критического дискурса эмиграции, которые обнаруживаются за оппозицией *свой/чужой*, рассмотреть, как эта оппозиция влияет на системные и структурные отношения внутри дискурса и формирует коллективную память (в том числе с учётом индивидуального стиля). *Материалом для анализа* стала пятая глава литературных мемуаров «Былое и думы» и её интерпретация в литературно-критических изданиях эмиграции первой волны. Советские издания привлекаются для сопоставления (см. список источников).

Рассматриваемые источники формируют литературно-критический дискурс, «некий

способ говорения, выраженный в корпусе текстов и доступный достаточно объективному анализу на основании этого корпуса» [12: 139]. В корпусе текстов обнаруживают себя «воплощённые в речи мироощущения и жизненная позиция» [4: 190]. Анализируемый дискурс, с одной стороны, — это содержательное пространство, отражающее и сопровождающее «процесс социального взаимодействия людей» [9: 217]. С другой стороны, «дискурс — «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности» [11: 676], существует в особом жанровом пространстве, в жанрово-специфических отрезках текста, в речевых жанрах, в которых проявляется доминанта *свой/чужой*.

Под речевым жанром, вслед за А. Г. Барановым [1] и К. А. Роговой [7], в статье понимаются функционально-семантические типы речи (ФСТР) *повествование, описание, рассуждение.* При этом в изолированном виде они рассматриваются как первичные (простые) речевые жанры и входят в состав сложных образований, вторичных речевых жанров, которые представлены как литературными жанрами нефикционального повествования: дневниками, литературными мемуарами, так и жанрами литературной критики: рецензиями, литературными портретами, критическими статьями. В связи с этим задача анализа творческого наследия Герцена усложняется, так как требует рассмотрения одновременно двух срезов: первичного текстового уровня (функционирования языковых средств в тексте) и содержательного пространства дискурса (включение элементов первичного уровня в состав вторичных речевых жанров и корпус текстов).

Далее обратимся к анализу этих двух срезов в эмигрантской газете «Руль» (1920–1931), которая выходила в том же издательстве «Слово» (см. выше). «Руль», не являясь литературным изданием, публикует рецензии на собрания сочинений Герцена (см.: Руль, № 74, 7, 1921; № 120, 6, 1921) и готовит читателя к появлению новой главы мемуаров. Об этом свидетельствует уже первая публикация «Руля», вышедшая с крупно набранным шрифтом, по старой орфографии, под заглавием: «Семейная драма А. И. Герцена» (№ 114, 5–6, 1921) и представляющая собой письмо Герцена своему другу Гаугу, в котором писатель впервые откровенно писал об отношениях жены с Гервегом.

«Своё» редакционное видение ситуации проявляется в таких жанрово-специфичных отрывках или отрезках этого текста, как 1) описание смерти жены в восприятии Герцена, 2) затем воспоминание об этом событии через 12 лет. Описание смерти жены выходит в «Руле» под заглавием «Смерть Н. А. Герцен», имеет уточнение, данное в скобках: *(последняя глава неопубликованной части «Былого и дум» А. И. Герцена)* (Руль, № 115, 4–5, 1921) и занимает один абзац: *Она **лежала** вся в цветах — **шторы** были опущены — я **сидел** на стуле, на том же обычном стуле возле **кровати**; кругом было тихо, только **море** шипело под окном. //Флёр, казалось, приподнимался от слабого, очень слабого дыхания. Кротко застыли скорби и тревога, — словно страданье окончилось бесследно, их стёрла беззаботная ясность памятника, не знающего, что он представляет. И я все смотрел, смотрел всю ночь, ну, а как в самом деле она проснется?/ Она не проснулась. Это не сон, это — **смерть**. / **Итак, это правда**!..(Былое и думы.* Здесь и далее выделено нами и приводится по новой орфографии. — *И. Р.)* (Руль, № 115, 4).

Обратимся к лингвостилистическому анализу текста.

В данном фрагменте можно выделить традиционный набор характерных признаков ФСТР *описание:* глаголы статики *(сидеть, лежать),* наличие существительных, передающих знаки пространства и интерьера: *кровать, стул, окно*. Языковые средства имплицируют номинации, характерные для портрета и внешности, а сам абзац включает портретное описание Натальи Александровны, комнаты, где она находится, и пейзажа за окном. Ср.: а) **положение в пространстве:** *лежала вся в цветах, флёр приподнимался от слабого дыхания, скорби и тревога застыли;* б) **интерьер комнаты:** *шторы были опущены, обычный стул возле кровати;* в) **описание природы вне комнаты**: *кругом было тихо, только море шипело под окном.* Использование образных средств: 1) **метафор**: *море шипело, беззаботная ясность памятника;* 2) **сравнений:** *словно страданье закончилось бесследно*, свидетельствует как об индивидуальном

стиле автора, так и подчёркивает художественные особенности мемуаров как литературного жанра.

Интерьер и пейзаж становятся фоном всего описываемого фрагмента, который совпадает с ССЦ. Внутри ССЦ противопоставлены местоимения *она и я,* которые свидетельствуют о субъектной организации текста. «Я» — позиция того, кто смотрит на героиню и кто описывает всю ситуацию. Местоимение *я* «проявляет» повествователя и нарративный фрагмент, передающий его действия: *сидел, смотрел*, его реакцию на описание комнаты, портрета и пейзажа. Местоимение *она* устанавливает не только цепочку действий героини (как фактических, так и гипотетических): *спит — проснётся,* но и логику рассуждений вступающего в диалог с читателем повествователя, что эксплицируется синтаксической вопросно-ответной конструкцией, содержащей гипотетическую модальность: *Вдруг проснётся? Не проснулась*.

Таким образом, перед нами не просто описание, а описание в структуре вторичного литературного жанра мемуара, где всё подвергается анализу, рассматривается в связи с другими событиями. *Описание* становится выражением глубочайшей человеческой трагедии, представляющей личность во внутренней и внешней жизни на фоне крушения целого мира. Биография Герцена становится «знаковым местом», а событие частной жизни достоянием коллективной и общественной памяти (ежедневный тираж газеты составлял от 10 до 20 тысяч экземпляров). Тем самым литературный жанр мемуаров для эмиграции приобретает характер текстового обмена информацией «о знаковых людях и знаковых событиях», благодаря которому «личная память мемуариста включается в общественную память» [2: 246–247].

Включение личной памяти в коллективную и общественную происходит также посредством другого жанра нефикционального повествования: дневника А. И. Герцена. Большая публикация из дневника даётся в следующем номере «Руля» под названием «Отрывки из дневника». Данный фрагмент композиционно (дистантно) связан с предыдущими номерами: с письмом Герцена к другу и с главой о смерти жены. Событие, описываемое в дневнике, происходит через 12 лет после смерти Наталии Александровны, в этой же комнате. Запись, по законам дневникового жанра, содержит указание на точную дату: 4 сентября 1863 года, а также место действия: *Генуа* Hôtel Feder.: *В комнате, где её не стало, — я раскрыл ставень. — Знакомый вид моря, берега и церкви — она его рисовала несколько раз... На том же месте стояла кровать... Матрасы были сняты и поставлены возле на полу... словно вчера был вынос....Пришёл повар, тогда живший у нас, и садовник дома Сю— встретилась горничная, которая жила у нас...Я видел на их лицах простодушную, искреннюю радость. Два несчастия, поразившие при них меня, — крепко связали нас. В их любви ко мне была доля участия, сострадания... Те же лица немного постарше...* ***Да, все было здесь!*** (последняя фраза выделена Герценом. — *И. Р.*) (Руль, № 116, 1921, 4).

Данный фрагмент также содержит различные ФСТР, но ФСТР *описание* остаётся доминирующим. Перед нами та же комната, которую Герцен уже описал в мемуарах. Дескриптивным фоном также остаётся пейзаж за окном: *на том же месте стояла кровать, матрасы были сняты и поставлены возле на полу... знакомый вид моря, берега и церкви. — Она его рисовала*, в комнате — *где её не стало.* Автор также повествует о своих действиях*: я раскрыл ставень*, о своей реакции на предметы, вызвавшие воспоминания о прошлом: *словно вчера был вынос.*

Личные местоимения *я и она* в начале фрагмента противопоставлены в границах прошлого: *она* и форма *её* называют умершую жену (прошлое), местоимение *мы* в род.падеже с предлогом ***у*** имеет референтом семью Герценов, ещё без утрат, представленную в прошлом как некое единство.

Далее в данном отрезке текста прослеживается иная оппозиция личных местоимений: *я и они,* соединяющая повествователя через факт сопричастности к личной трагедии с чужими, случайными людьми: *Два несчастия, поразившие при* ***них меня,*** *— крепко связали* ***нас. Я*** *видел на* ***их*** *лицах простодушную, искреннюю радость* (встречи. — *И. Р.*). Местоимение *нас* в вин. падеже в данной оппозиции уже исключает Наталию

Александровну. Теперь это *Те же лица немного постарше*, что свидетельствует о расширении значения категории времени в границах речевого жанра *описание,* на что оказывает влияние сам жанр дневников и представление пространства и времени в этом жанре (см.: [3]).

Специфика представления времени, местоимений, композиционное чередование прошлого и настоящего, повествовательных и описательных фрагментов в структуре целого абзаца и ССЦ подводит не только автора, но и читателя к выводу *Да всё было здесь*! Описание комнаты в прошлом, в день тяжелой утраты, приведённое в мемуарах, и описание этой же комнаты в дневниках, через 12 лет после смерти жены, соединяются в этой восклицательной конструкции, которая представляет собой и эмоциональную реакцию Герцена, вызванную «ви́дением» комнаты, лиц, пейзажа.

Повторное посещение, через много лет, комнаты, где умерла Наталья Александровна, возвращает к мысли, уже высказанной в литературном мемуаре: о трагичности мира людей (при вечности природы), крушениях в нём. План прошлого имплицирован публикацией в предыдущем номере «Руля», так что читатель через детали, «штрихи», ассоциации, рассеянные в описании комнаты, природы, гостиницы, воспринимает весь трагизм ситуации.

И мемуары, и дневник Герцена свидетельствуют о том, что «история понимания и оценки тех или иных (художественных и нехудожественных) коммуникантов есть не что иное, как история притяжений (но и отталкиваний) некоторых индивидов/рецепиентов от тех или иных текстов» [10: 10].

Именно публикации фрагментов литературных жанров в массовых изданиях эмиграции отражают составляющие коллективной памяти эмиграции первой волны: несмотря на трагизм ситуации, они сохраняют у читателя положительный эмоциональный настрой, связанный с общим, «своим», восприятием жизни, которое включает важные для русской ментальности картины моря, берега, церкви, хранящиеся в когнитивной базе носителя русской культуры, порождают поток ассоциаций, которые эмоционально нагружены и становятся импульсом для повторного переживания прошлых трагических событий. Имплицированная в сознание эмиграции оценка личной трагедии писателя становится нормой и вызывает отрицательную реакцию в среде «своих» при нарушении этой нормы, при иной интерпретации событий.

Реакция на «чуждую» интерпретацию проявляется в составе литературно-критического дискурса, при анализе его содержательного среза. Например, Александр Яблоновский, критик и публицист первой волны эмиграции[1], не может согласиться с оценкой личности Герцена и его личной драмы, которая была дана в хрестоматии, составленной в метрополии и вышедшей в Берлине в 1923 году. Не случайно автор рецензии приводит цитату из хрестоматии, где также упоминается семейная драма: *Я очень хорошо понимаю, что когда из Герцена надо сделать кубик-магги, то иначе писать невозможно. Но спрашивается: кому нужна такая «биография» и не варварство ли это одну из самых интересных, самых богатых и самых пламенных страниц из истории русской литературы превратить в такое крошево? Много ли узнает раббфак, когда о благоухающем, на всю Россию прославленном арне Герцена и Наталии Александровны ему скажут: «В Ницце новый, короткий, но тяжелый удар: уход жены с немецким поэтом Гервегом (потом она вернулась). А затем удары еще и еще все тяжелее. В море, при крушении, гибнут сын и мать. Через несколько месяцев умирает жена. Это год 1851-ый».* (Руль, 1923, № 785, 14).

Отношения Герцена и Натальи Александровны представлены в статье как высокие уважительные отношения друг к другу: *благоухающее, на всю Россию прославленное арне*[2].

Статья Яблоновского доказывает то, что в сознании эмиграции закрепился взгляд, изложенный самим Герценом на личную драму, а также уверенность в том, что, как видно из *напечатанной впервые в издании «Слова» части «Былого и Дум», Наталья Александровна до последнего вздоха обожала и боготворила своего мужа.* Яблоновский демонстрирует невозможность принять «чужую» оценку, он не согласен с «совет-

ским» подходом; прекрасно понимая, для какой аудитории *(рабфак)* была написана эта книга.

В заключительной части своей рецензии Яблоновский даёт такой портрет-описание Герцена: *Писательский облик Герцена в злополучной «хрестоматии» тоже так поблек, полинял и потускнел, что временами положительно нельзя узнать этого доныне «непревзойденного русского публициста» и величайшего мастера слова. Иногда Герцен в «хрестоматии» кажется даже маленьким, почти жалким желторотым эсериком. Совсем маленьким — ростом этак с Розенблюма...* (Руль, № 785, 1923, 14).

В рецензии Яблоновского наиболее ярко проявляются специфические особенности не только рецензии, но и публицистического стиля: а) соединение высокой и низкой лексики: *величайший мастер слова/кублик-магги, крошево, эсерик, этак с ...*; б) повторы*: маленьким, совсем маленьким*; в) переносное значение слов, взятое в кавычки «*хрестоматия*», как знак несогласия с его семантическим наполнением, так и знак «чужого» слова; в) цитаты из текста, представляющие собой штампы, но не соответствующие взглядам автора: «*непревзойдённый русский публицист*»; г) прилагательные, имеющие отрицательные коннотации: *злополучный, желторотый, жалкий.*

Статья в газете «Руль» — яркий образец не только публицистического стиля, но и индивидуально-авторских стилистических приёмов Яблоновского, который, рассуждая и отталкиваясь от противного, от «портрета» Герцена, растиражированного в метрополии, создаёт свой портрет писателя. Он цитирует своих оппонентов, чтобы создать прямо противоположную оценку их взглядам. Это становится возможным на уровне композиции: смене речевых жанров. Его текст также даёт представление о «чужом» адресанте и адресате: о тех, кто создаёт такие тексты, и тех, кому они направлены (*рабфак)*. Индивидуальный стиль автора текста также демонстрирует иерархию приоритетов в наследии Герцена и позволяет делать вывод о коллективной памяти эмиграции (рецензия написана в 1923 году), о тех составляющих и оценках, которые вошли в «коллективное бессознательное» эмиграции.

В советских изданиях того же времени, например в журнале «Книга и революция», акценты при анализе творчества Герцена сосредоточены не только на семейной драме.

Так в рецензии М. Лемке основное внимание уделяется положениям из статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». По-иному интерпретируется и личность самого Герцена (на первое место ставится его талант публициста). Например, Михаил Лемке соглашается с позицией Иванова-Разумника, обратившего внимание на осуждение Герценом мещанства: *И хотя всякому духовному* ***мещанству*** *от века уготовано конечное поражение, но не так-то сразу даётся победа революционному мировому социализму. Впереди много еще чёрных дней и годов. Но их тоже предвидел Герцен* (КИР, № 5, 1920, 57).

В эмигрантской прессе также отмечается внимание Герцена к этому социальному явлению, но не столь однозначно: *...Можно было бы многое сказать и о злополучной судьбе словечка «мещанство», которое Герцен слишком любил и слишком часто употреблял* (Современные записки[3], №4, 1921, 376); ***Мещанство*** *— вот чем кажется Герцену будущее Запада. Оно проникает всю жизнь Запада, общественную и частную, налагает печать свою на лица и характеры, чеканя их по единообразному среднему образцу, оно мертвит искусство, сглаживая и равняя все порывы, все эксцентричности* (Грядущая Россия[4], №1, 1920, 218–219). Следовательно, внутри «своего» также обнаруживаются разные взгляды, открыто высказываемые критиками эмиграции, однако сопоставление самих дефиниций *мещанства* (по сути дела это тоже ФСТР *описание* и представляет собой РЖ) и контекстов их окружения получает различное наполнение в советских и эмигрантских изданиях.

Таким образом, анализ оппозиции *свой/чужой* в рамках одного этноса ещё раз доказывает, что она в границах речевого жанра имеет непосредственное отношение к категории памяти. Данная категория изменяется во времени и пространстве и связана как с национальной памятью, так и с коллективной памятью социальной группы. На фоне исторического времени создаются имплицитные оценки, за которыми скрывается не «порт-

рет», «интерьер», «пейзаж» рецензируемой книги, а портрет человека, большого писателя в конкретных обстоятельствах в определенный исторический момент. Эти обстоятельства (не только семейная драма, но несчастия как таковые) проецируются не на события книги, а на время выхода рецензии в свет. Фигура А. И. Герцена является для эмиграции тем нравственным ориентиром, который основан на уважении к другому человеку.

Герцен становится не только знаковой фигурой эпохи, но и связующим звеном в системе и структуре дискурса/ жанра/стиля/идиостиля и формирует оценки, которые создают иерархию ценностей в коллективной памяти определенной социальной группы в границах оппозиции *свой/чужой* внутри одного этноса. Для первой волны эмиграции это трагические события, связанные с утратой родины, прошлого, с семейными драмами и несчастиями в масштабах страны. Эти импликатуры создают глубинный дескриптивный образ: портрет не только книги и её автора, его семьи, но и личности в чрезвычайных обстоятельствах, в том числе и личности эмигранта первой волны, оторванного от России.

Именно за речевым жанром (в нашем случае ФСТР *описание)* скрываются важные элементы когнитивного сознания: нравственные ценности и установки, которые не зависят от географических границ и позволяют преодолеть чувство неприятия, ненависти к тому, кто нанёс моральную травму. Эти моральные оценки дают возможность остаться человеком при любых обстоятельствах, то есть пренебречь теми принципами, которые характерны для чужого и чуждого мещанства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Яблоновский А. А. (1870–1934) сотрудничал во многих дореволюционных газетах, в том числе в газете «Русское слово», в 1921–1925 гг. жил в Бердине, с 1925-го — в Париже, сотрудник газеты «Возрождение».

[2] Арне — настольная карточная игра, при игре втроём появляется не только эмоциональный накал и настоящее удовольствие от комбинаций, но и вполне серьёзная дипломатия: когда один из игроков вырывается вперёд — второй тут же объединяется с другими, чтобы «охладить его пыл».

[3] «Современные записки» — литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 г.

[4] Ежемесячный литературно-политический и научный журнал. Выходил в Париже с 1920 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов А. Г.* Когниотипочность текста. К проблеме уровней абстракции речевой деятельности // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 4–12.

2. *Брагина Н. Г.* Память в языке и культуре. М., 2007.

3. *Вознесенская И. М.* Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. 2006. № 3. С.41–48.

4. *Жолковский А. К.* Ж/Z. Заметки бывшего пред-постструктуралиста // Инвенции. М, 1995. С. 190–217.

5. *Паперно И. А.* Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 103 (3). С. 41–66.

6. *Паперно И. А.* Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 68 (4). С. 102–127.

7. *Рогова К. А.* Типы текста как явления глубинного литературно-языкового уровня // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: Сб. научных и научно-методич. ст. М., 2013.

8. *Родичев Ф. И.* К 50-летию смерти Герцена // Грядущая Россия. Париж, 1920. Кн. 1. С. 213–239. — URL http://www.emigrantika.ru/

9. *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика // Вопросы психолингвистики. М, 2012. С. 208–223.

10. *Сорокин Ю. А.* Какое библиопсихическое наследство оставил нам Н. А. Рубакин // Рубакин Н. А. Библиологическая психология. М., 2006. С. 5–24.

11. *Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

12. *Фрумкина Р. М.* «Люблю отчизну я, но странною любовью...» Идеологический дискурс как объект научного исследования // Новый мир. 2002. № 3. С. 139–145.

ИСТОЧНИКИ

Книга и революция (КИР). Ежемесячный критико-библиографический журнал. М.; Пг., 1920–1923.

Лемке М. Литература о Герцене // Книга и революция. 1920. № 1. С. 10–13

М. А[лданов]. [Ландау М. А.] [Рец.:] *Герцен А. И.* Былое и думы. Новое изд.: В 5 т. Берлин: Слово, 1921. // Современные записки. 1921. Кн. 4. С. 373–376.

«Руль». Ежедневная газета.1920–1931/ Гл. ред. И. В. Гессен. Берлин, 1921–1924 (все издания из собрания Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург)).

«Современные записки» (1920–1940). Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева. Париж, 1920–1924. — URL: http://www.emigrantika.ru

Эмигрантика.ру. —URL: http://www.emigrantika.ru